

Астрид Линдгрен

НОВЫЕ ПРОДЕЛКИ ЭМИЛЯ ИЗ ЛЁННЕБЕРГИ

Иллюстрации Бьёрна Берга

Эмиль из Лённеберги

Астрид Линдгрен

Новые проделки Эмиля из Лённеберги

«Азбука-Аттикус»
1966

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)

Линдгрен А.

Новые проделки Эмиля из Лённеберги / А. Линдгрен — «Азбука-Аттикус», 1966 — (Эмиль из Лённеберги)

ISBN 978-5-389-16501-4

Герой этой весёлой повести Астрид Линдгрен – Эмиль из Лённеберги, от проделок которого трепещет весь хутор. Однажды он так напугал бедных односельчан, что те решили избавиться от сорванца и отправить его в Америку. Они, наивные, полагали, что им сразу станет спокойнее. Собрали в узелок денег и принесли его маме… А что было дальше, вы узнаете, прочитав эту книжку.

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)

ISBN 978-5-389-16501-4

© Линдгрен А., 1966
© Азбука-Аттикус, 1966

Содержание

Суббота, 28 июля 13
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Астрид Линдгрен
Новые проделки Эмиля из Лённеберги

ASTRID LINDGREN
Nya hyss av Emil i Lönneberga 1966
First published in 1966 by Rabén & Sjögren, Sweden.
For more information about Astrid Lindgren, see www.astridlindgren.com.
All foreign rights are handled by The Astrid Lindgren Company, Lidingö, Sweden.
For more information, please contact info@astridlindgren.se

© Text: Astrid Lindgren, 1966 / The Astrid Lindgren Company
© Illustrations Björn Berg / Bildmakarna Berg
© Брауде Л.Ю., наследники, перевод на русский язык, 2019
© Паклина Е. А., наследники, перевод на русский язык, 2019
© Оформление, издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2019 Machaon®

* * *

Неужто ты никогда не слыхал об Эмиле из Лённеберги? Ну, о том самом Эмиле, что жил на хуторе Катхульт близ Лённеберги, в провинции Смоланд? Вот как, не слыхал? Удивительное дело! Поверь мне, во всей Лённеберге не найдётся ни одного человека, который не знал бы ужасного маленького сорванца из Катхульта, этого самого Эмиля. Проделок за ним водилось больше, чем дней в году; однажды он так напугал лённебержцев, что они решили отправить его в Америку. Да-да, в самом деле, я не вру! Лённебержцы завязали собранные деньги в узелок, пришли к маме Эмиля и спросили:

– Хватит этих денег, чтобы отправить Эмиля в Америку?

Они думали, что стоит избавиться от Эмиля, как в Лённеберге станет много спокойнее, и они были правы. Но мама Эмиля страшно рассердилась и в сердцах швырнула деньги с такой силой, что они разлетелись по всей Лённеберге.

– Наш Эмиль – чудесный малыш, – сказала она, – и мы любим его таким, какой он есть.

А Лина, хуторская служанка, испуганно добавила:

– Надо ведь хоть капельку подумать и об американцах. Они-то нам ничего плохого не сделали, за что же мы им спихнём Эмиля?

Мама пристально посмотрела на Лину, и та сообразила, что сказала глупость. Ей захотелось исправить оплошность, и она промямлила:

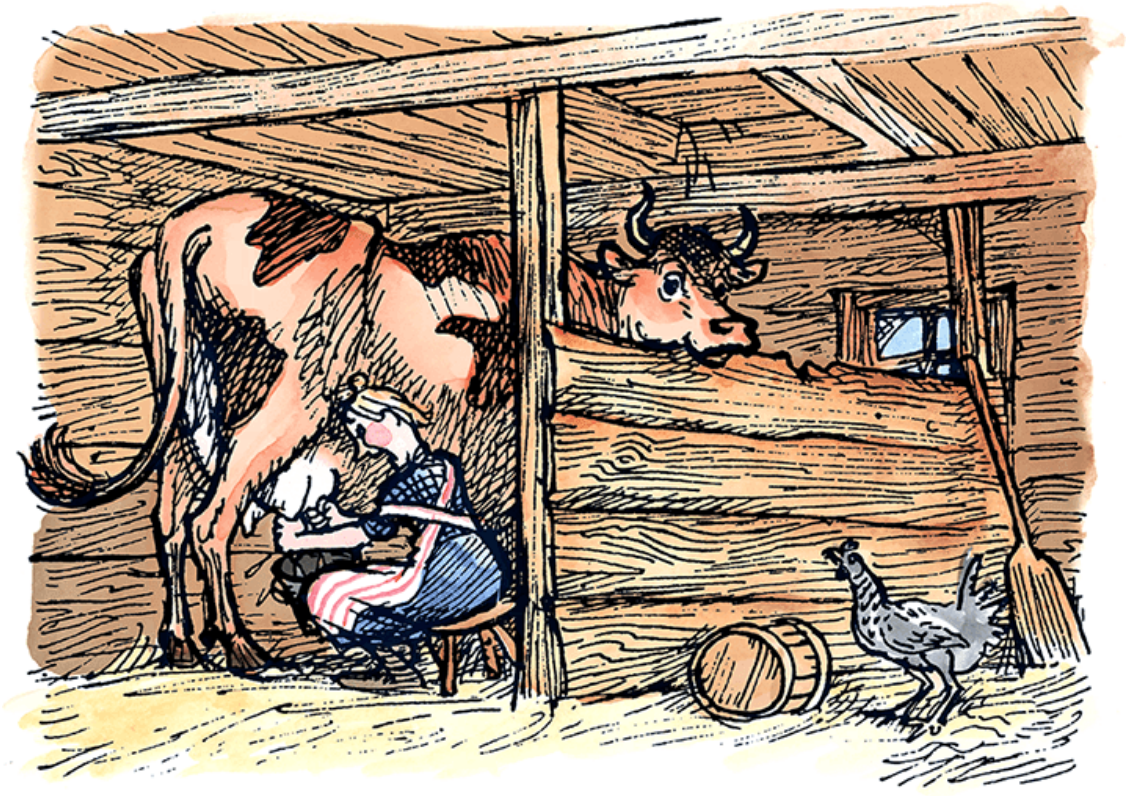
– Видишь ли, хозяйка, в газете «Виммербю» писали, что у них в Америке было жуткое землетрясение… Не слишком ли много – такая напасть, да ещё и Эмиль в придачу?..

– Замолчи, Лина. Это не твоего ума дело, – сказала мама. – Иди на скотный двор, тебе пора доить коров.

Схватив подойник, Лина побежала на скотный двор и принялась доить коров… Когда она хоть чуточку злилась, работа у неё спорилась. На этот раз Лина доила ещё быстрее, чем обычно, и брызги летели во все стороны. При этом она всё время бормотала себе под нос:

– Должна же быть на свете хоть какая ни на есть справедливость! Нельзя же, чтобы все беды сыпались на головы американцев. Но я бы с ними поменялась. Может, написать им: «Вот вам Эмиль, подавайте сюда землетрясение!..»

По правде говоря, Лина просто хвасталась! Где уж ей было писать в Америку! В Смоланде и то не разобрали бы её каракулей, не то что в Америке. Нет, уж если кто мог бы написать туда, так это мама Эмиля. Вот уж кто был мастер писать! Она писала обо всех проделках сына в синюю тетрадь, которую хранила в комоде.

– Пустое дело, – говорил папа, – писать обо всех шалостях этого мальчишки. Никаких карандашей не напасёшься. Ты об этом подумала?

Мама Эмиля пропускала его слова мимо ушей. Она добросовестно вела учёт проделкам Эмиля. Когда мальчик подрастёт, пусть узнает, что вытворял в детстве. Да, тогда он поймёт, почему поседела его мать, и, может, будет больше любить её: ведь волосы Альмы побелели только из-за него.

Но ты, пожалуйста, не думай, что Эмиль был злой, вовсе нет. Он был добрый. Его мама была права, когда говорила, что вообще-то он чудесный малыш. Да он и в самом деле был похож на ангелочка со своими светлыми кудрявыми волосами и кроткими голубыми глазёнками. Конечно, Эмиль был добрый, и его мама совершенно правильно записала двадцать седьмого июля в синей тетради:

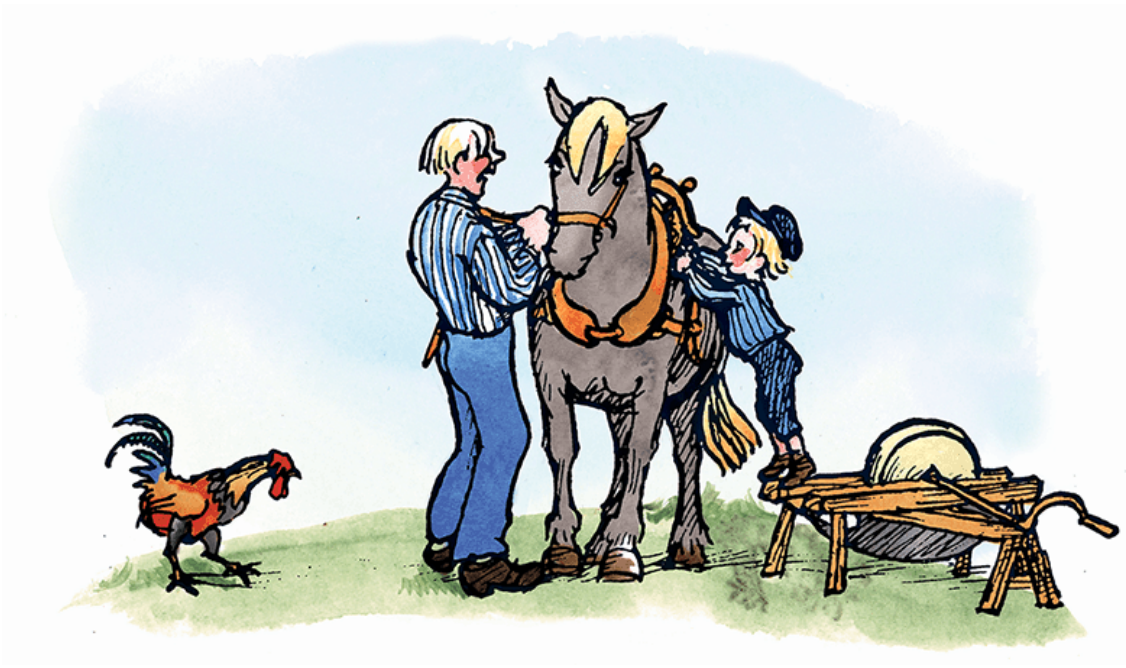
Вчира Эмиль был хороший – целый день не праказил. Эта патаму, что у ниво была высокая тимпиратура и он ничиво не мок.

Но уже двадцать восьмого июля температура у Эмиля упала, и описание его шалостей заняло в синей тетради сразу несколько страниц. Этот мальчонка был силён, как молодой бычок, и стоило ему поправиться, как он проказничал без удержу.

– В жизни не видала такого мальчишки, – говорила Лина.

Ты, видно, уже смекнул, что Лина не очень-то благоволила к Эмилю. Она больше любила Иду, его младшую сестрёнку, добрую и послушную. Но уж если кто любил Эмиля, так это работник Альфред, а почему – никто не знает. Эмиль тоже любил Альфреда, и, после того как Альфред управлялся со своей работой, они проводили время вдвоём. Альфред учил Эмиля всяким полезным вещам: запрягать лошадь, ловить неводом щук и жевать табак. По правде говоря, жевать табак не очень-то полезно, и Эмиль попробовал это всего один-единственный раз. Да и то лишь потому, что хотел уметь делать всё, что умел Альфред. Альфред вы́резал Эмилю деревянное ружьё. Вот ведь добряк, правда? Ружьё это было самым драгоценным сокровищем мальчика. А другим драгоценным его сокровищем была невзрачная кепчонка, которую однажды, сам не зная что творит, купил ему в городе отец.

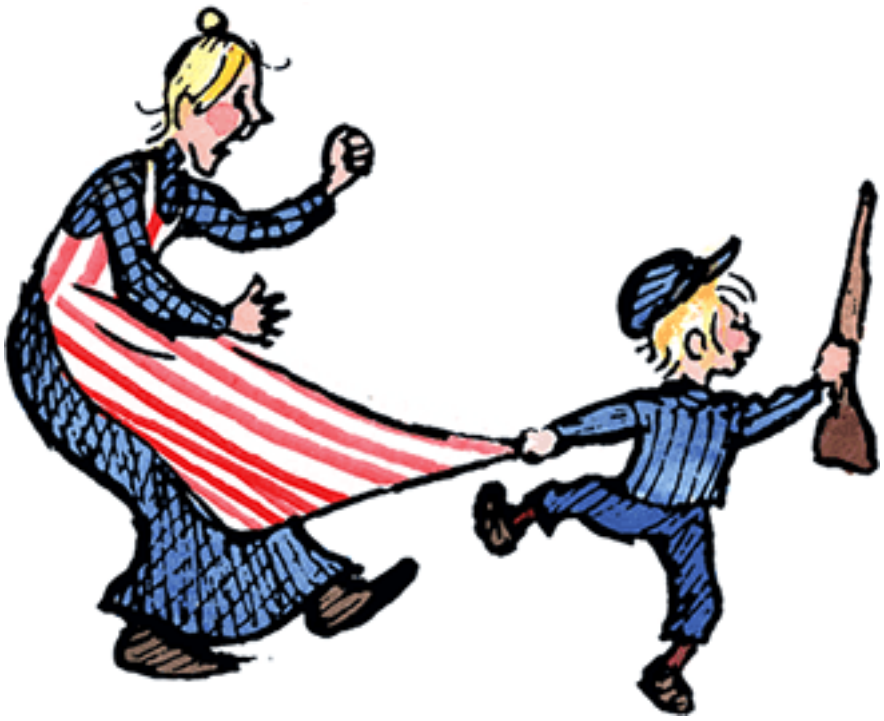

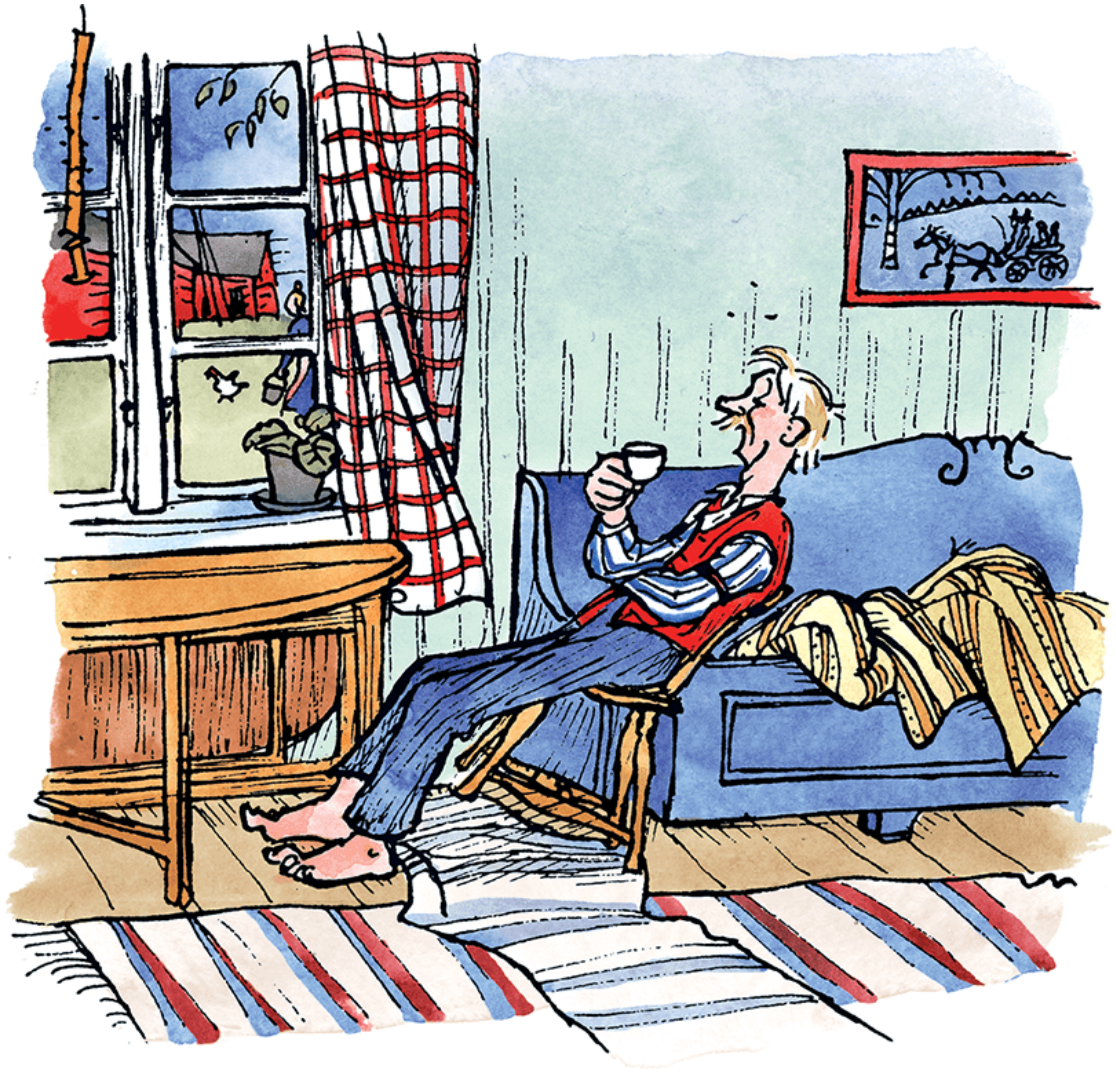
– Люблю мою шапейку и мою ружейку! – говорил Эмиль на чистейшем смоландском наречии и каждый вечер брал с собой в кровать кепчонку и ружьё.

Ты помнишь, кто жил в Катхульте? Помнишь папу Эмиля – Антона, маму Эмиля – Альму, сестрёнку Эмиля – Иду, работника Альфреда, служанку Лину и самого Эмиля?

И ещё Крёсу-Майю, о ней тоже не надо забывать. Крёса-Майя была сухонькая бабка-торпарка. Знаешь, кто такие торпари? Это такие крестьяне в Швеции, у которых нет своей земли и они за деньги берут на время чужой участок. Он-то и называется «торп». Вот и Крёса-Майя жила на таком торпе в лесу, но частенько приходила в Катхульт помочь по хозяйству: погладить, нафаршировать колбасу, а заодно и нагнать страху на Эмиля и Иду своими жуткими россказнями о чертях, привидениях и призраках, об убийцах и страшных ворах и прочими приятными и интересными историями. А знала она их предостаточно.

Но теперь ты, может, хочешь послушать о новых проделках Эмиля? Ведь он проказничал все дни напролёт, кроме тех дней, когда у него была высокая температура. Так что мы можем взять какой угодно день и посмотреть, чем же тогда занимался Эмиль. Ну вот, к примеру, двадцать восьмое июля.

На кухне в Катхульте стоял старый деревянный диван, выкрашенный в синий цвет. На этом диване спала Лина. В те времена, о которых идёт речь, все смоландские кухни были заставлены диванами с жёсткими тюфяками, на которых спали служанки. А над служанками вовсю жужжали мухи. Катхульт ничем не отличался от других хуторов. Лина сладко спала на своём диване. Ничто не могло разбудить её раньше половины пятого утра, когда на кухне трещал будильник. Тогда она вставала и шла доить коров.

Суббота, 28 июля
Как Эмиль нечаянно уронил на голову отцу блюдо с тестом для пальтов и вырезал сотого деревянного старичка

Стоило Лине уйти из кухни, как туда тихонько прокрадывался папа, чтобы спокойно выпить чашечку кофе, пока не проснулся Эмиль.

«До чего хорошо посидеть вот так одному за столом, – думал папа. – Эмиля рядом нет, на дворе поют птицы, кудахчут куры. Знай попивай кофеёк да покачивайся на стуле. Прохладные половицы под ногами, которые Лина выскребла добела…» Ты понял, что выскребла Лина? Половицы, конечно, а не папины ноги, хотя, может, их тоже не мешало бы поскрести, кто знает. Папа Эмиля ходил по утрам босиком, и не только потому, что ему так нравилось.

– Не мешает поберечь обувку, – сказал он однажды маме Эмиля, которая упорно отказывалась ходить босиком. – Если всё время топать в башмаках, как ты, придётся без конца покупать их, без конца… каждые десять лет.

– Ну и пусть, – ответила мама Эмиля, и больше об этом разговора не было.

Как уже было сказано, никто не мог разбудить Лину, пока не затрещит будильник. Но однажды утром она проснулась по другой причине. Это случилось двадцать седьмого июля, как раз в тот день, когда у Эмиля была высокая температура. Уже в четыре часа утра Лина проснулась оттого, что огромная крыса прыгнула прямо на неё. Вот ужас-то! Лина страшно закричала, вскочила с дивана и схватилась за полено, но крыса уже исчезла в норке возле двери чулана.

Услыхав про крысу, папа вышел из себя.

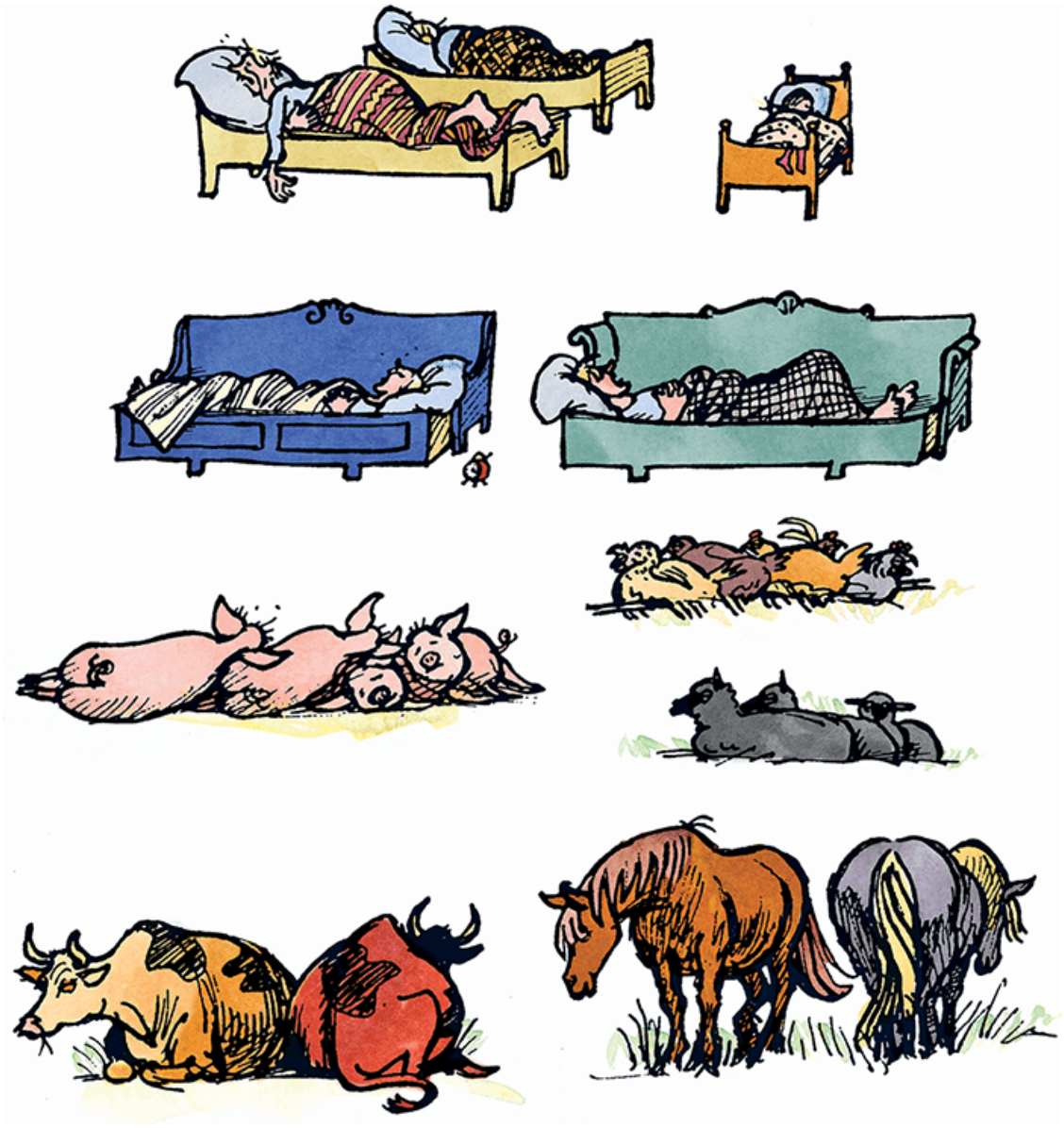
– Хорошенькая история, нечего сказать, – пробурчал он. – Крысы на кухне… Они ведь могут сожрать и хлеб, и шпик!

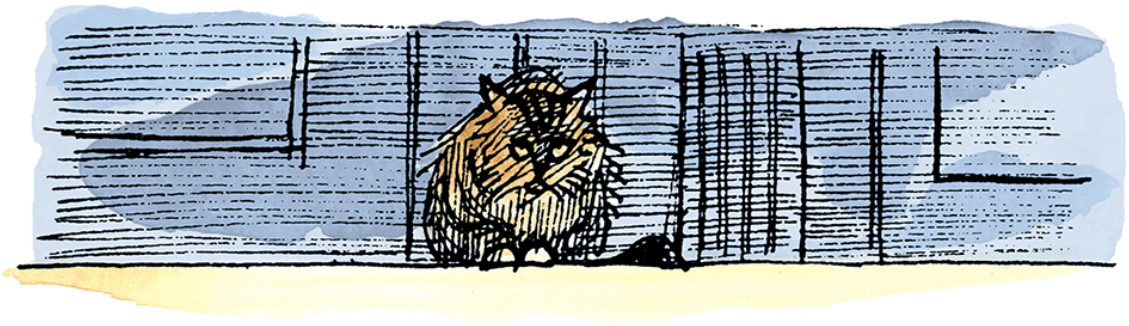
– И меня, – сказала Лина.

– И хлеб, и шпик, – повторил папа Эмиля. – Придётся на ночь пустить на кухню кошку.

Эмиль услыхал про крысу и, хотя у него ещё держалась температура, тут же стал придумывать, как бы её поймать, если не удастся пустить на кухню кошку.

В десять часов вечера двадцать седьмого июля температура у Эмиля совсем спала, и он снова был весел и бодр. В ту ночь весь Катхульт мирно спал. Папа Эмиля, мама Эмиля и маленькая Ида спали в горнице рядом с кухней, Лина – на своём диване. Альфред – в людской возле столярной. Поросята спали в свинарнике, а куры в курятнике. Коровы, лошади и овцы – на зелёных выгонах. Не спалось только кошке, тосковавшей на кухне о скотном дворе, где водилась уйма крыс. Бодрствовал и Эмиль; выбравшись из постели, он, осторожно ступая, прокрался на кухню.

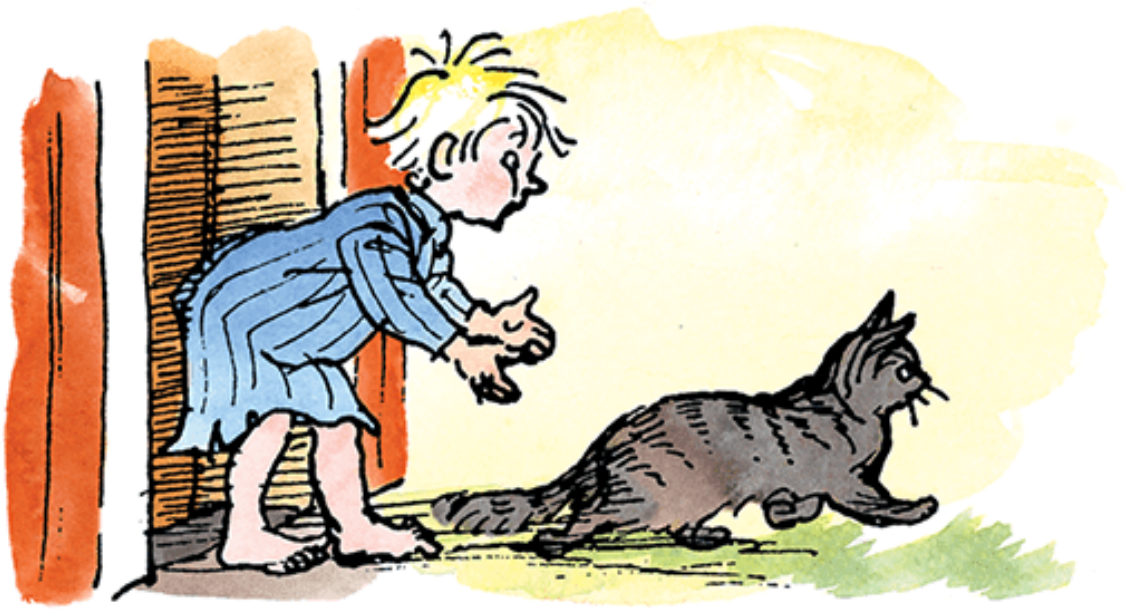

– Бедняжка Монсан, тебя заперли, – сказал Эмиль, увидев у кухонной двери горящие кошачьи глаза.

– Мяу, – мяукнула в ответ Монсан.

Эмиль, любивший животных, пожалел кошку и выпустил её из кухни. Хотя он, конечно, понимал, что крысу надо изловить во что бы то ни стало. А раз кошки на кухне нет, надо придумать что-нибудь другое. Он раздобыл крысоловку, насадил на крючок кусочек вкусного шпика и поставил крысоловку возле норки у чулана. И тут же призадумался. Ведь стоит крысе высунуть из норки нос, она первым делом увидит крысоловку, заподозрит недоброе и не даст себя провести. «Пусть лучше крыса побегает спокойненько по кухне, а потом вдруг – бац, когда она меньше всего ждёт, наткнётся на крысоловку», – решил Эмиль. Он чуть было не пристроил крысоловку на голову Лине – ведь крысе нравилось туда прыгать, – но побоялся, что Лина проснётся и всё испортит. Нет, придётся поставить крысоловку куда-нибудь в другое место. Может, под кухонный стол? Крыса часто возится там в поисках упавших на пол хлебных крошек. Но ставить крысоловку туда, где сидит папа, бесполезно, – возле его стула крошками не больно-то разживёшься.

– Ой! Вот страх-то! – внезапно сказал Эмиль, застыв посреди кухни. – А вдруг крыса окажется как раз у папиного стула, не найдёт там никаких крошек и начнёт грызть вместо них папины пальцы?..

Нет уж, Эмиль позаботится о том, чтобы так не случилось. И он поставил крысоловку туда, куда обычно папа ставил ноги, а потом снова улёгся спать, очень довольный самим собой.

Проснулся он, когда на дворе уже рассвело, от громкого вопля, донёсшегося из кухни.

«Кричат от радости, – видно, крыса попалась», – подумал Эмиль. Но в следующую секунду в горницу вбежала мама. Вытащив сынишку из кровати, она зашептала ему на ухо:

– Марш в столярку, пока папа не вытащил ногу из крысоловки. А не то тебе несдобровать!

И, схватив Эмиля за руку, мама потащила его из дома. Он был в одной рубашке, так как впопыхах не успел одеться, но беспокоило его совсем другое.

– А ружейка и шапейка! – завопил Эмиль. – Я возьму их с собой!

И, схватив ружьё и кепчонку, он помчался в столярку с такой быстротой, что его рубашка заполоскалась на ветру. За все проделки Эмиля обычно сажали в столярную. Мама Эмиля заложила снаружи дверь на засов, чтобы Эмиль не мог выйти, а Эмиль закрылся на крючок изнутри, чтобы папа не мог войти, – разумно и предусмотрительно с обеих сторон. Мама Эмиля считала, что пока Эмилю не стоит встречаться с папой. Эмиль не возражал. Потому-то он так старательно запер дверь. Затем спокойно уселся на чурбан и принялся вырезать забавного дере-

вянного старичка. Он занимался этим всякий раз, как только оказывался в столярной после очередной шалости, и успел вырезать уже девяносто семь фигурок. Старички были красиво расставлены на полке по порядку, и Эмиль радовался, глядя на них. Скоро их наверняка наберётся целая сотня. Вот когда будет настоящий праздник!

«Закачу-ка я в тот день пир в столярке, но приглашу одного Альфреда», – решил про себя Эмиль, сидя на чурбане с резаком в руке.

Издалека доносились крики отца, потом они постепенно стихли. И вдруг раздался чей-то пронзительный визг. Эмиль удивился и забеспокоился, не стряслось ли ещё чего с мамой. Но вспомнил, что сегодня собирались заколоть свинью, – видно, это она и визжала. Бедная свинья! Невесёлый выдался у неё денёк двадцать восьмого июля! Ну да кое-кому другому тоже не очень-то сегодня повезло!

К обеду Эмиля выпустили из столярной, и, когда он пришёл на кухню, навстречу ему кинулась сияющая Ида.

– А у нас на обед будут пальты, – радостно сообщила она.

Может, ты не знаешь, что такое пальты? Это большие тёмные хлебцы, начинённые салом, которые по вкусу напоминают кровяную колбасу, только они ещё вкуснее. И готовят пальты почти так же, как и кровяную колбасу, из крови и муки, с пряностями. Когда в Катхульте закалывают свинью, там всегда варят пальты.

Мама месила на столе в большом глиняном блюде кровяное тесто, а на плите кипела в чугуне вода. Скоро пальты будут готовы, да такие вкусные, что пальчики оближешь!

– Я съем восемнадцать, – похвасталась Ида, хотя была совсем крошечной худышкой, ей бы и полпальта за глаза хватило.

– Так тебе папа и позволит! – заметил Эмиль. – А где же он?

– Отдыхает, – ответила Ида.

Эмиль выглянул в окошко. И правда: надвинув на лоб свою широкополую соломенную шляпу, папа Эмиля, как всегда, разлёгся на траве. Обычно он отдыхал после обеда, но сегодня, как видно, изрядно устал. Да и как не устать, если чуть свет первым делом попадаешь в крысоловку.

Тут Эмиль увидел, что у папы только правая нога в башмаке. Сначала Эмиль решил, что папа не надел второго башмака из бережливости. Но потом Эмиль заметил окровавленную тряпицу, намотанную вокруг большого пальца на левой ноге, и сразу понял, в чём дело: у папы так сильно болел палец, что он не мог надеть второй башмак. Эмилю стало очень стыдно, и он раскаялся в своей глупой проделке с крысоловкой. Ему захотелось чем-нибудь порадовать папу. Он знал, что папа обожает свежие пальты. Эмиль схватил обеими руками глиняную миску с тестом и просунул её в окно.

– Погляди-ка, папа! – восторженно крикнул он. – У нас на обед пальты!

Папа сдвинул со лба соломенную шляпу и мрачно посмотрел на Эмиля. Видно, он ещё не забыл крысоловку. А Эмиль просто из кожи лез, лишь бы загладить свой проступок.

– Взгляни-ка! Ух ты, сколько кровяного теста! – не унимался Эмиль и высунул миску ещё дальше из окна.

И подумать только – вот ужас! – он нечаянно выронил миску из рук, и она вместе с кровяным тестом шлёпнулась прямо на папу, который лежал под окном лицом кверху.

– Бу-бу-бу! – только и вымолвил папа.

Да, попробуй сказать что-нибудь ещё, когда ты весь залеплен кровяным тестом! Папа медленно поднялся с травы и завопил так, что вопль его, сперва чуть приглушённый тестом, разнёсся по всей Лённеберге. Глиняная миска сидела у него на голове, словно шлем викинга, а с подбородка медленно стекало жидкое кровяное тесто. В этот момент из прачечной вышла Крёса-Майя, которая перемывала там потроха зарезанной свиньи. Увидев залитого кровью папу Эмиля, она завизжала громче свиньи и выбежала со двора с ужасной вестью.

– Конец дорогому хозяину Катхульта! – причитала она. – Эмиль, горюшко наше, стукнул его, кровь так и брызнула, ах, ах, ах, беда-то какая!

Когда мама Эмиля увидела, что случилось, она схватила Эмиля за руку и опрометью бросилась с ним в столярную. Эмиль всё ещё в одной рубашке снова уселся там на чурбан и начал вырезать своего девяносто девятого деревянного старичка. Тем временем маме пришлось изрядно потрудиться, отмывая папу.

– Соскребай поосторожней, хоть бы теста на три-четыре пальта осталось, – сказал папа Эмиля, но мама покачала головой:

– Что с воза упало, то пропало. Придётся теперь готовить рагмунк.

– Хи-хи-хи, у нас не будет обеда до ужина, – захихикала маленькая Ида, но тотчас умолкла, увидев заляпанные кровяным тестом мрачные папины глаза.

Мама Эмиля усадила Лину тереть картошку для рагмунка. Может, ты не знаешь, что такое рагмунк? Это блюдо вроде оладий из тёртой картошки. И уверяю тебя, оно куда вкуснее, чем может показаться с моих слов.

Вскоре Лина замесила серо-жёлтое картофельное тесто в глиняной миске, которую папа снял с головы. Ведь он вовсе не собирался целый день расхаживать в ней, словно викинг в шлеме. Как только папу немного отмыли, он отправился в поле косить рожь и за делом переждать, пока готовят рагмунк. Тут-то мама и выпустила Эмиля из столярной.

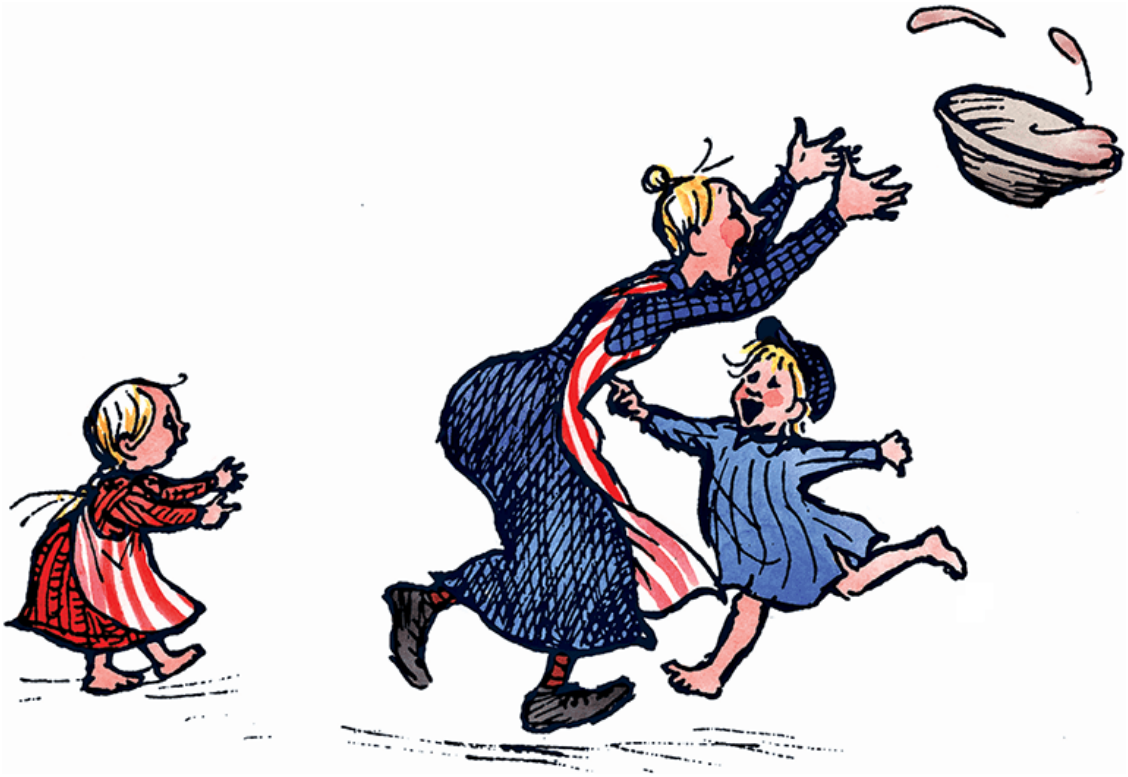
Эмиль слишком долго просидел взаперти не двигаясь и почувствовал, что не мешает размяться.

– Давай играть в «ветер-ветрило», – сказал он сестрёнке, и маленькая Ида тут же пустилась бежать.

«Ветер-ветрило» – это такая игра, которую Эмиль придумал сам. Надо со всех ног бежать по кругу и возвращаться на то же место, где началась игра: из кухни – в сени, из сеней – в горницу, из горницы – в кухню, из кухни – снова в сени, и так всё снова и снова, круг за кругом, чтобы только ветер свистел в ушах. Бежать надо было в разные стороны, и всякий раз, когда брат и сестра встречались, они тыкали друг дружке пальцем в живот и кричали: «Ветер-ветрило!» Игра потому так и называлась, и оба – Эмиль и Ида – веселились до упаду.

Но когда Эмиль на восемьдесят восьмом круге вбежал как оглашенный в кухню, он налетел на Лину, которая с глиняной миской в руках как раз подходила к плите, чтобы наконец-то начать печь рагмунк. Эмилю захотелось развеселить и Лину – он ткнул ей пальцем в живот и закричал: «Ветер-ветрило!» Вот этого-то делать и не следовало! Он же знал, как Лина боится щекотки.

– И-и-и-и-и… – закатилась Лина, изогнувшись точно дождевой червяк.

И представь себе – вот ужас-то! – миска выскользнула у неё из рук! Как это произошло, никто не знает. Одно известно: всё картофельное тесто угодило на голову папе Эмиля – голодный как волк, злой, он как раз в этот миг переступил порог кухни.

– Бу-бу-бу! – только и вымолвил папа. Да, попробуй сказать ещё что-нибудь, когда ты весь залеплен картофельным тестом!

Позднее Эмиль и Ида сложили что-то вроде маленькой присказки из этого его слова. «Бу-бу-бу-бу, наелся папа картофельного теста», – любили повторять они, хихикая. Или: «Бу-бу-бу-бу, наелся папа кровяного теста».

Но тогда Эмилю было не до смеха. Он и пикнуть не успел, как мама схватила его за руку и опрометью бросилась вместе с ним в столярную. За спиной Эмиль услышал папин крик. Сперва чуть приглушённый картофельным тестом, он разносился уже по всей Лённеберге.

Эмиль сидел на чурбане и вырезал своего сотого деревянного старичка, но настроение у него было вовсе не праздничное. Скорее наоборот! Он был зол, как кусачий муравей! Нет, уж это слишком – сидеть в столярке по три раза в день, да к тому же ни за что ни про что.

– Виноват я, что ли? Папаша сам всё время попадается под руку, – бурчал он. – Крысоловку в укромном местечке и то нельзя оставить! Бац, а он тут как тут. И зачем он всё время подставляет голову то под кровяное, то под картофельное тесто?

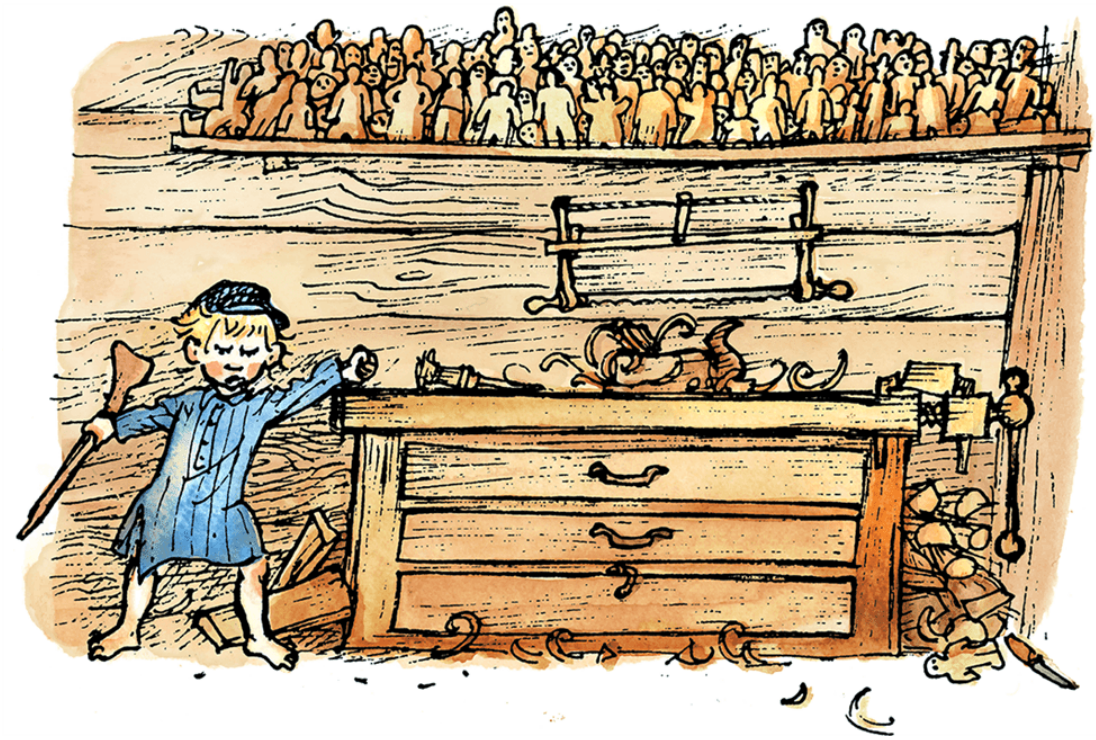
Не подумай только, что Эмиль не любил папу или папа не любил Эмиля. Они очень любили друг друга. Но и люди, которые любят друг друга, могут иногда ссориться, когда им не везёт с крысоловками, кровяным или картофельным тестом и так далее.

Суббота, двадцать восьмое июля, подходила к концу. Сидя в столярной, Эмиль злился всё больше и больше. Вовсе не так представлял он себе юбилей по случаю сотого деревянного старичка. Праздник этот пришёлся на субботний вечер, а как же ему пригласить в столярную Альфреда, если у того по субботним вечерам совсем другие дела? Альфред сидит в это время на крылечке людской, милуется с Линой, играет ей на гармошке, и, право слово, недосуг ему ходить в гости к Эмилю.

Эмиль отбросил в сторону резак. Он остался совсем один. Даже Альфреду теперь не до него. И чем больше он думал об этом, тем яростнее злился. Где это видано – просидеть взаперти всю бесконечную субботу, да ещё в одной рубашке! Ведь у него не было времени даже одеться – его то и дело волокли в столярку. Видно, папа с мамой, да и Альфред тоже, хотят навсегда запереть его в столярке! Ну, так они ещё у него узнают!

Эмиль ударил кулачком по верстаку, и тот заскрипел. Так вот вам, получайте! В этот миг Эмиль принял роковое решение. Он останется в столярке на всю жизнь. В одной рубашке и шапчонке, одинокий и всеми покинутый, он будет сидеть там до самой смерти.

«Вот они обрадуются-то, и мне не придётся попусту бегать взад-вперёд, – подумал он. – Но и они пусть не суются ко мне в столярку, нет уж. Понадобится папе постругать доски, а негде. Да это и к лучшему, а не то он ещё оттяпает себе пальцы. Не знаю никого другого, кроме папы, кому выпадало бы столько бед в один день!»

Когда совсем стемнело, пришла мама Эмиля и отодвинула наружный засов на двери столярной. Потянув дверь на себя, она увидела, что та заперта изнутри. Мама улыбнулась и ласково позвала:

– Эмиль, миленький, не бойся, папа уже лёг спать. Можешь выйти!

Но в ответ из столярной донеслось лишь жуткое:

– Ха! Ха! Ха!

– Почему ты говоришь «Ха! Ха! Ха!»? – удивилась мама. – Отопри дверь и выходи, миленький Эмиль!

– Никогда больше я отсюда не выйду, – замогильным голосом ответил Эмиль. – Суньтесь только, стрелять буду!

Тут мама Эмиля увидела, что её мальчуган стоит у окна столярной с ружьём в руках. Вначале она не поверила, что он грозится всерьёз. А когда наконец поняла, что он не шутит, с плачем бросилась в дом и разбудила папу.

– Эмиль сидит в столярке и не хочет выходить, – всхлипывала она. – Что нам делать?

Маленькая Ида тоже проснулась и заревела. И все вместе – папа с мамой и маленькая Ида – помчались в столярную. Альфред и Лина, миловавшиеся на крылечке людской, вынуждены были, к великой досаде Лины, бежать вместе с ними. Надо было помочь уговорить Эмиля выйти из столярной.

Поначалу папа был настроен весьма решительно.

– Ничего, выйдешь сам, когда проголодаешься! – закричал он.

– Ха! Ха! Ха! – только и ответил снова Эмиль.

Папа не знал, что хранилось у Эмиля в жестяной банке за верстаком. А был там небольшой, но всё же хороший запас еды! Хитрый Эмиль заранее позаботился о том, чтобы не умереть с голоду. Ведь никогда не знаешь, в какой день и час снова угодишь в заточение. Поэтому он всегда держал про запас еду в своей банке. Теперь там лежали белый хлеб и сыр, несколько ломтиков холодной свинины, горсточка сушёных вишен и довольно много сухарей. Воины в осаждённых крепостях выдерживали осаду с меньшим запасом провизии.

Эмиль представил себе, что столярка – осаждённая крепость и он будет защищать её от всех врагов. Храбрый, как настоящий полководец, он стоял у слухового оконца и целился из ружья.

– Ни с места, стрелять буду! – вопил он.

– О, Эмиль, милый мой мальчик, не говори так, а лучше выходи скорее, – всхлипывала мама.

Но и её слова не помогли. Эмиль был неумолим, не помогло даже предложение Альфреда:

– Слышь, Эмиль, выходи, пойдём на озеро купаться вдвоём – только мы с тобой! Ты и я!

– Нет уж! – с горечью закричал Эмиль. – Сиди себе на крылечке с Линой, на здоровье! А я… я посижу здесь!

Так оно и вышло. Эмиль остался сидеть где сидел. И когда все увидели, что ни угрозы, ни просьбы не помогают, папе с мамой и маленькой Иде пришлось вернуться домой и лечь спать.

Печальный был этот субботний вечер. Мама и маленькая Ида плакали в три ручья, а папа только вздыхал, лёжа в постели, – ведь и ему не хватало его мальчугана, который обычно лежал вон там в кроватке: кудрявая головка на подушке, а сбоку – кепчонка и ружьё.

Понятно, Лина была не из тех, кто скучал по Эмилю, и не из тех, кому хотелось идти спать. Ей хотелось спокойно посидеть на крылечке с Альфредом, и она была даже рада, что Эмиль остался в столярной.

– Кто его знает, сколько этот проказник усидит на месте, – пробурчала она и, тихонько подойдя к двери, закрыла дверь на засов.

Альфред так рьяно играл на гармошке и пел, что не заметил коварства Лины. «Скачет с поля брани молодой гусар…» – распевал он. Эмиль слушал его, сидя на своём чурбане, и тяжко вздыхал.

Лина, обвив шею Альфреда, как всегда нашёптывала ему что-то на ухо, а Альфред отвечал как всегда:

– Ну да ладно, женюсь на тебе, так уж и быть, коли тебе это в самом деле позарез надо, только спешить-то некуда…

– Хоть бы на будущий год, а? – упрямо твердила Лина, и тогда Альфред, вздохнув ещё более тяжко, чем Эмиль, запел про «Невесту льва».

Эмиль слушал эту песню, сидя в столярной, и думал о том, как было бы здорово пойти с Альфредом на озеро.

– Ясное дело, – пробурчал он себе под нос. – Я мог бы спокойненько пройтись с Альфредом и искупаться, а потом снова залезть в столярку, раз мне так теперь захотелось…

Эмиль бросился к двери и откинул крючок. Но что толку, если зловредная Лина заперла дверь на засов? Дверь не поддавалась, хотя Эмиль толкал её изо всех сил. Тут Эмиль всё понял. Он догадался, кто его запер.

– Ну, я ей покажу, – пригрозил он. – Она у меня ещё узнает. Она ещё увидит!

Он огляделся по сторонам. В сарае начало темнеть. Однажды, после одной из своих самых отчаянных проделок, Эмиль убежал отсюда через окошко. Но после этого случая папа приколотил снаружи поперёк окна доску, чтобы Эмиль не повторил своего номера, а то ещё, чего доброго, свалится в крапиву, которая растёт под окном. Папа явно заботился о своём мальчугане и не хотел, чтобы он обжёгся крапивой.

«Через окошко теперь нельзя, – размышлял Эмиль, – через дверь тоже. Звать на помощь – ни за что в жизни не стану! Как же мне отсюда выбраться?»

Он задумчиво уставился на открытый очаг. Очаг сложили в столярной, чтобы зимой там было тепло и чтобы папа мог, когда понадобится, развести огонь и растопить столярный клей.

– Придётся через трубу, – решил Эмиль и тут же забрался в очаг, где было полно золы, оставшейся с прошлой зимы. Зола ласково обволокла его босые ноги и забилась между пальцами.

Эмиль заглянул в трубу и увидел кое-что интересное. В дымовом отверстии прямо над головой висел красный июльский месяц и глазел на него.

– Эй, ты, месяц! – крикнул Эмиль. – Сейчас ты увидишь, как я умею лазать! – И, упираясь в закопчённые стенки трубы, он полез вверх.

Если ты когда-нибудь лез по узкой трубе, ты знаешь, как это трудно и каким чумазым выбираешься оттуда. Только не подумай, что это остановило Эмиля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.